

*Е. Ф. Киров, М. В. Беляева**(ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)*

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И. ЛЕО ВАЙСГЕРБЕРА И НАЧАЛА РЕЛЯТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Появление релятивной теории языка В. фон Гумбольдта и ее развитие И. Лео Вайсгербером, Э. Сэпиром и Б. Ли Уорфом означало, что языкознание вслед за космогонией (Н. Коперник), геометрией (Н. Лобачевский), логикой (Н. Васильев), химией (Н. Бутлеров и Д. Менделеев) и физикой (А. Эйнштейн) достигло уровня теории относительности — вершины научности.

Очевидно, что Вайсгерберова философия языка как промежуточного мира между реальностью и мышлением верна, если ее рассматривать не в плане онтологии, а в плане повседневной практики пользования языком, потому что все, что связывает индивида с обществом (знания, мораль, религия, правовые нормы и т.д.), попадает в сознание индивида через родной язык и закрепляется в памяти в виде понятий, связанных с именами языка, при этом технология фиксации понятий в языковой форме носит идиоэтнический характер, что и придает языку его специфическую внутреннюю форму. Такие взгляды Вайсгербера развивают теорию В. фон Гумбольдта, который писал: «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», при этом такой промежуточный мир Гумбольдт называет «подлинной реальностью», «языковым мировидением» и «зеркалом культуры» [4].

Путь слова языка следует от восприятия фонетической формы к понятию, при этом Вайсгербер подчеркивает, что «понятия развиваются вокруг обозначений и вместе с ними», ссылаясь на мнение Б. Дельбрюка, который считал, что «понятия не формируются до языка во внутреннем мире, проскальзывая затем в словесные оболочки, а развиваются вместе со звучанием слов и вокруг них — медленно и с трудом» [9].

В целом Вайсгербер предлагает парадигму проявлений языка: а) говорение; б) языковой запас человека; в) язык как культурное достояние; г) язык как общечеловеческий принцип, т.е. характерная для всего человечества способность к языку. Обратим особое внимание на то, что после пункта а) реальность как таковая теряется, и в силу вступает принцип действительности языка, который имеет другое назва-

ние — функциональная реальность языка. Это третья форма бытия, которая располагается между реальностью и абстракцией ([1]; 63). Третья форма бытия, собственно говоря, и представляет собой в системе взглядов Вайсгербера родной язык (Muttersprache), который обладает способностью воздействовать на людей и их поведение [8]. Такое понимание языка как третьей сферы согласуется с идеей Фиркандта о социальной объективной картине мира (Soziales Objektgebilde), высказанной в книге «Основные проблемы философской социологии» [10].

Третья сфера в виде языка дает его носителям единый способ мирозидения и в целом представляет собой форму общественного познания. Наиболее интересным аспектом такого рассмотрения является положение о том, что язык имеет свою собственную внутреннюю форму, что также восходит к представлениям Гумбольдта о языке. Так, Гумбольдт писал, что «родные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» ([4]; 86). В этой связи, развивая и подкрепляя идеи Гумбольдта, Вайсгербер формулирует несколько основных характеристик языка:

1. Картина мира отражается в языке и интегрирована в него;
2. Своеобразие народа определяется его языком;
3. Один и тот же язык придает народу одно и то же мировосприятие, поэтому язык — это память народа, более того (это парадоксальное утверждение. — *Е.К. и М.Б.*) язык за нас думает;
4. В языке проявляется наиболее яркий признак народа;
5. Языковое сообщество имеет право на закрытость.

Наиболее важное свойство языка, по мнению Вайсгербера, заключается в том, что язык во всех отношениях способен влиять на сознание и поведение людей таким образом, что человек ведет себя во всех отношениях «как образованный языком» (sprachgebildet). В этом фрагменте своей теории Вайсгербер фактически применяет теорию относительности к языку в целом, так как общение при таком подходе основывается не на единстве фактов объективного мира, а на единстве их видения языковым сообществом. Как нам представляется, именно здесь обнаруживается релятивный поворот в представлениях о языке и объективном мире, который не был осознан в теории языка, хотя философская версия такого поворота содержится в теории Канта.

Остов релятивной теории языка Вайсгербера возникает из единства двух противоположностей: единство видения фактов языковым сообществом может рассматриваться как следствие обучения, причем обучение невозможно без единой системы понятий, которые, в свою очередь, невоз-

можно без общего и родного для всех говорящих языка. Именно последнее условие и обеспечивает единое восприятие предмета [5].

Квинтэссенцией взглядов Вайсгербера служит утверждение о том, что наше восприятие реальности основано на понятийно-языковом знании, а видение языка мы получаем вместе с изучением родного языка. При этом важным является представление о том, что объем понятий определяется не реальностью, а языком, и отделение понятий друг от друга происходит вследствие того, что они разделены в языке.

В социологии языка Вайсгербера не утверждается, что только язык делает возможным мышление или что предметы объективного мира существуют лишь благодаря языку ([1]; 164). В результате Вайсгербер существенно развил философию языка Гумбольдта, однако остаются некоторые вопросы, которые могут быть прояснены. Для этого следует расширить аксиоматику философии языка и с несколько обновленных позиций подойти к философии языка Гумбольдта и теории родного языка Вайсгербера.

Обратимся к положению теории Гумбольдта о том, что язык описывает вокруг говорящего на нем народа круг, и попробуем найти некоторые новые аргументы для характеристики этого, безусловно, интересного в лингвофилософском плане тезиса. Однако для этого нам придется привлечь новую философскую платформу и уйти от неясного понятия «язык», придав ему изолированное и однозначное толкование. Итак, если под языком понимать недвусмысленный и непротиворечивый язык научного описания мира, т.е. язык, который был построен в рамках философии Б. Рассела, то возникают сомнения в истинности утверждения Гумбольдта о языке как о непреодолимом круге. В «Принципах математики» Б. Рассел и А. Уайтхед утверждают одну непреложную и очень методологически ценную истину о том, что естественные языки в своей основе подобны языку логики высказываний, разработанному в «Принципах математики». Из этого следует, что и в естественном языке можно обнаружить базовые структуры предложений, описывающие «атомарные» и «молекулярные» высказывания, при этом следует помнить, что любое молекулярное высказывание можно разложить на атомарные высказывания. Центральным утверждением философии Рассела является тезис о том, что атомарное высказывание описывает атомарный (первичный и аксиоматичный) факт, в то время как в природе не существует молекулярных фактов, — все они имеют атомарную природу. Например, в мире не существует факта, соответствующего высказыванию «Все люди смертны», потому что этот факт сводится к множеству атомарных фактов типа «Сократ смертен» и т.д.

Поэтому каждому атомарному факту соответствует атомарное высказывание, однако атомарные высказывания способны объединяться в молекулярные. Все предложения естественного языка, по мнению Рассела, так или иначе можно представить как атомарные или молекулярные высказывания, в них будет отражена структура действительного мира, и значение предложения будет предельно ясным. При этом любое предложение обязано иметь субъектно-предикатную форму, потому что в основе атомарного факта находится предмет или субъект, которому приписывается некий предикат, характеризующий свойства этого предмета или субъекта. Если такого соответствия между атомарным фактом и атомарным высказыванием не получается, то мы имеем дело с чем-то либо непознанным, либо неправильно описанным средствами языка [7].

Дальнейшее развитие такая теория получила у раннего Витгенштейна в «Логико-философском трактате» (1958), в котором фактически реализована релятивно-структуральная методология описания фактов. Л. Витгенштейн утверждает, что язык «Принципов математики» соответствует миру в той же пропорции, что и географическая карта соответствует местности. Другими словами, совершенный язык описания, на звание которого претендует язык «Принципов математики», соответствует не самой реальности, а структуре реальности. Это явилось важнейшим уточнением и фактическим применением структурного принципа в философии, которая в течение всего двадцатого века преимущественно занималась анализом языка и высказываний на нем. Поразительно незамеченным остается факт влияния философии языка на философию как таковую. В частности, мы имеем в виду фразу, оброненную Витгенштейном и породившую новую версию позитивизма (Венский кружок). Эта фраза звучала так: философия — это не теория, а деятельность. Не вызывает сомнения, что в данном случае мы имеем дело с экстраполяцией в философию знаменитой фразы В. фон Гумбольдта «Язык — это не *ergon*, а *energeia*» («Язык — это не орган, а деятельность»). Итак, венские философы (Мориц Шлик, Фридрих Вейсман, Ганс Ган, Герберт Фейгель, Отто Нейрат, Рудольф Карнап) продолжили и развили взгляды предшественников, обнаружив, что философия не порождает осмысленных высказываний, а только лишь проясняет смысл утверждений, обнаруживая, что некоторые из них — научные, некоторые — строго математические или логические, некоторые же — бессмысленные. Важнейшим разделением высказываний первого и второго типа является их деление на аналитические и синтетические. Аналитические высказывания аксиоматичны и не требуют проверки, их

истинность вытекает из их значений и в силу этого они тривиальны. Синтетические высказывания подлежат верификации, но главное их отличие — информативность; их назначение — делать некоторые утверждения о мире [6].

Возвращаясь к вопросу о языке как круге, который опоясывает говорящее на нем сообщество, следует решить вопрос, идет ли в данном случае речь о языке, подобном языку «Принципов математики» и его последующих версий? На этот вопрос следует дать однозначно отрицательный ответ, поскольку такой язык высказываний об аксиоматичных фактах лишен национальной специфики и характеризуется принципиальным универсализмом.

Возникает дилемма: либо Гумбольдт был неправ в своем утверждении, либо речь идет о каком-то другом языке. Думается, что речь, конечно же, должна идти о другом языке — обыденном и естественном языке, обладающем таким количеством недостатков по сравнению с языком «Принципов математики», что он достоин описания как особый феномен. Неслучайным в этой связи является факт полного поворота Л. Витгенштейна в размышлениях о языке и отход от позитивизма Рассела в противоположную сторону, что привело к созданию оригинальной философской доктрины языковых игр. Однако первым, кто обнаружил, что человек никогда не променяет свой несовершенный язык на совершенный, был Д. Мур, основатель «школы обыденного языка». Отрицая формальную логику как методологическую базу при анализе естественного языка, философы этой школы придерживались мнения, что нужно анализировать обыденный и естественный язык и делать философские выводы из этого анализа, придерживаясь точки зрения обычного здравого смысла. Так, по мнению Д. Мура, обыкновенные люди знают, что они говорят, когда используют слово «знать», если они утверждают, что знают, что такое стул, стол и т.д.

В подобном русле развивал новые философские воззрения и Л. Витгенштейн во второй и более поздний период своей научной деятельности [3]. Согласно новой точке зрения австрийского философа, язык представляет собой невообразимо сложную деятельность человека, которая не поддается окончательному описанию. Это связано с непрекращающимися попытками мыслящего человека дать описание многообразию фактов, которые ему известны, при этом человек пытается организовать факты так, чтобы они обрели для него смысл. Однако результаты такой деятельности приводят к утверждениям, которые нельзя проверить и которые очень часто противоречат здравому смыслу. Это происходит по-

тому, что человек беспрестанно раздвигает семантические границы слов, что подобно хронической болезни. Поэтому, считает Витгенштейн, необходима философская терапия в виде языковых игр. Следует заново учиться правильно использовать термины в научном описании, как дети учатся играть в различные игры. Витгенштейн разработал серию терапевтических языковых игр, которые позволяют понять, что можно и что нельзя делать с некоторыми языковыми выражениями, при этом отрицательный результат, т.е. отклонения от правильного использования выражения, которое ведет к путанице, не менее важен в языковой терапии [3].

Приведенные рассуждения выдающихся философов XX века позволяют нам понять, что не может и что может быть рассмотрено как круг в знаменитом афоризме В. фон Гумбольдта, однако неясности остаются, и прежде всего неясно, что такое на самом деле этот круг.

Для решения этой проблемы, как нам представляется, следует перевернуть вектор в самом определении языка, т.е. оттолкнуться от «выводных» определений языка, при этом к «выводным» мы относим такие определения языка, которые выводят язык из речи, например, знаменитое соссюровское определение языка: «Язык — это клад, практикой речи откладываемый в сознании всех говорящих» или не менее знаменитое сепиоровское определение, которое гласит:

«Язык — это то, что мы обнаруживаем во всех текстах на данном языке». Не сомневаясь ни секунды в истинности этих определений, мы вынуждены констатировать, что на их основе мы не обнаружим того, что Гумбольдт называл кругом. Если мы перевернем логику, возможно, мы обнаружим то, что ищем.

Итак, предпримем серию рассуждений. Условия и аксиомы:

- если нам известно количество слов и семем (отдельных значений полисеманта);
- если нам известны валентности слов и семем;
- если нам известны морфологические модели сочетаемости слов;
- если нам известны синтаксические модели сочетаемости слов и словосочетаний в пропозиции;
- если нам известны синтаксические модели сочетаемости простых субпредложений;
- если нам известны типичные фреймы ситуаций,

то:

1) вследствие математической операции сложения всех неамбивалентных слов друг с другом мы получим большое множество всех возможных на данном языке словосочетаний:

2) вследствие сложения всех неамбивалентных словосочетаний в цепочки от минимально до максимально возможной мы получим все возможные на данном языке простые предложения;

3) вследствие сложения всех неамбивалентных простых предложений во все возможные сложные мы получим итоговое и гигантское множество предложений языка.

В итоговое множество войдут все написанные и ненаписанные романы и повести, все сказанное и могущее быть сказанным на данном языке. Это гигантское множество и представляет собой круг языка, который опоясывает собой языковое сообщество. Из него нельзя выйти, не попав в круг другого языка. По всей видимости, так и только так можно трактовать загадку всеобщего круга языка, заданную лингвистам и философам В. фон Гумбольдтом.

Возвращаясь к теории родного языка И. Лео Вайсгербера, следует признать, что в его взглядах тайна Гумбольдта была в значительной мере прояснена, но загаданы новые загадки. Рассмотрим одну из них.

Согласно мнению Вайсгербера, в процессе взаимодействия человека с реальностью членение человека реального мира (Универсума) на дискретные единицы невозможно без предварительного существования в индивидуальном сознании понятий, которые составляют в целом систему, т.е. картину мира как однородное духовное видение всех членов языкового сообщества. При этом не вызывает сомнения, что за пределами картины мира человека и общества остается еще очень много информации, которую человечество не осознало, не преобразовало в понятия и не приписало этим понятиям языковые имена. Этот неосознанный мир принято называть энтропией. Приведем к этому некоторые дополнительные соображения. Практика языка наиболее полно и реально проявляется в использовании современного варианта национального языка, однако в некоторых сферах (например, в Церкви) языковое сообщество нередко использует заимствованный или мертвый язык, например, латинский или церковнославянский. Из этого обстоятельства происходят важные следствия: языковое сообщество может иметь не единственную картину мира и наряду с прагматической картиной реального мира обладать также мифологической религиозной картиной мира, которые соприкасаются, но не смешиваются. Важный фактор отграничения этих двух картин мира — использование разных языков, которые в словах (именах) фиксируют понятия мировосприятия по формуле Вайсгербера $W = N \times B$ и которые обладают в той или иной мере отличающейся внутренней формой, проявляющейся в понятийном строе словаря и даже в различающихся синтаксических формах. Переход

богослужения с латинского или старославянского языка на современные литературные языки — серьезная уступка со стороны Церкви, фактически открывающая путь к смешению обоих миров — мифологического и прагматического, и единственным препятствием для такого смешения остается ситуация и атрибутика богослужения.

Следующим соображением по поводу теории Вайсгербера будет размышление о животных, которые не имеют языка. Если признать, что животные обладают мышлением и сознанием в примитивной форме, то становится очевидным вопрос о промежуточном мире, который регулирует отношения между мышлением животного и реальным миром. Этот вопрос может деструктивно воздействовать на рассматриваемую теорию Вайсгербера, если отрицать у животных нечто, подобное родному языку человека. Как это ни странно звучит, мы утверждаем, что у животных имеется примитивный семиотический код, подобный родному языку человека, причем у домашних животных более совершенный, чем у диких. Речь идет о системе обучения молодняка методом подражания в процессе игры, что свойственно всем животным. Более того, у домашних животных, например, собак, складывается в процессе дрессировки и общения с человеком примитивный и пассивный подъязык команд. Наиболее высокоразвитые животные способны и на обратную реакцию посредством звуковых сигналов или движений.

Те и другие животные проходят период обучения подражанием, и далеко не все в их поведении определяется простыми инстинктами: достаточно много сведений о хитрости и целесообразном поведении животных можно обнаружить в сказках и специальной литературе. Из сказанного следует, что примитивные субпонятия могут существовать также в неязыковой форме у животных, иначе невозможно объяснить их целесообразное поведение.

Возникает вопрос, на какой субстанции базируются субпонятия животных? Ответ на этот вопрос может быть только один: семиотической субстанцией субпонятий животных служит звуковая реакция, движение или специфическая поза, а также нечто вроде танца, обнаруженного рядом исследователей у пчел. Все названные материальные артефакты служат знаковым базисом для примитивных понятий, имеющих в сознании животных.

Рассуждая о языке как культурном достоянии, Вайсгербер стимулирует нас затронуть и такой вопрос, как соотношение реального мира и языка, с одной стороны, и виртуального мира литературы (беллетристики) и языка, с другой стороны. В самом деле, если реалистическая

литература моделирует действительность в соответствии с законами окружающего нас мира, не переставая ни секунды быть описанием виртуальной реальности, то существует сюрреалистическая и фантастическая литература, которая формирует некую специфичную виртуальную картину мира с использованием принципа относительности: ее суть сводится как бы к утверждению, что так не может быть в окружающей нас реальности, но так может быть в принципе где-то в другой, потенциальной реальности. Возникает впечатление, что язык в самом деле способен выполнять функцию генератора действительности, хотя и виртуальной, поскольку языковая форма проявленности виртуальной действительности в виде текста основная, хотя и не единственная (в последнее время виртуальная реальность все чаще материализуется на компьютере).

Завершая первую теоретическую часть нашей работы, подчеркнем, что Вайсгерберова теория родного языка в значительной степени привнесла принцип релятивности в лингвистику, и практические применения этого принципа могут породить совершенно новое направление в современной лингвистике — релятивную лингвистику. Фрагмент релятивно-синтаксического описания некоторых конструкций немецкой разговорной речи будет предложен ниже.

Итак, Вайсгербер понимает речь (Rede) в самом широком смысле слова как языковое преодоление (sprachliche Bewältigung) ситуации, события или впечатления. Для решения этой задачи наряду со словарем язык построил систему синтаксических средств, а словарь и синтаксические средства вместе взятые, являясь культурным достоянием, обладают бытием и действительностью. В зависимости от условий общения реализация этого общего феномена в речи каждого отдельного члена языкового сообщества осуществляется различными способами.

Развивая эксплицитно присутствующую в теории Вайсгербера идею релятивности, охватывающую родной язык, с одной стороны, как средство индивидуального общения, а с другой — как проявление культурного достояния (Kulturgut), рассмотрим конкретные частные случаи проявления релятивности на уровне синтаксических единиц, например, в немецкой разговорной речи. Известно, что одно и то же языковое или речевое явление может быть описано с различных позиций (функциональных, коммуникативных, прагматических, философских и т.д.) В нашем случае речь идет об одном достаточно любопытном синтаксическом явлении в разговорной речи — контаминации, или конструкция наложения, типа *я объезжал эту гонимь - красная такая, норви-*

ctay, ...die haben also jedenfalls die griechischen Scheine waren sagenhaft groß...

С функциональных синтаксических позиций конструкции наложения широко описаны в русской разговорной речи в работах О.А. Лаптевой, Г.Г. Инфантовой и др. Поскольку конструкции наложения (контаминация) детерминированы некоторыми психологическими особенностями мыслительного процесса, проникающими в спонтанную речь, что обуславливает их универсальность, они встречаются и в немецкой разговорной речи, но пока не рассмотрены должным образом в специальной литературе. Возможно описание явления контаминации в синтаксисе как явления сугубо речевого (функционально-коммуникативный подход). С позиций же теории языка конструкции наложения иллюстрируют достаточно ярко идею релятивности синтаксических средств, так как общий член в структуре синтаксической единицы (*лошадь, die griechischen Scheine*) выступает одновременно как бы в двух синтаксических функциях, в одной части в качестве подлежащего, в другой части в качестве дополнения. Однако такое впечатление складывается только в результате релятивного функционирования одной и той же единицы в разных функциях в рамках формально одного высказывания. Другими словами, в данном случае речь не идет о том, что одно слово в одной той же пропозиции выполняет сразу две синтаксические функции или роли — это невозможно в принципе. Речь идет о своеобразном перевороте точки зрения, которая одно и то же высказывание превращает в фактически две пропозиции, при этом общим членом оказывается одно и то же слово, которое релятивно в одной пропозиционной проекции выступает как один член предложения и как одна падежная роль, а в другой пропозиционной проекции — как другой член предложения и другая падежная роль.

Такая синтаксическая конструкция подобна рисунку, который может быть воспринят двояко и служит образцом релятивного построения, в речи способствующего преодолению избыточности языка.

Die Relativitätstheorie der Sprache von W. Humboldt und deren Entwicklung von J. Leo Weisgerber, E. Sapir und B.L. Whorf bedeutet, dass die Sprachwissenschaft gleich nach der Kosmogonie (N. Kopernikus), der Geometrie (N. Lobatschewsky), der Logik (N. Wassilijew) und der Physik (A. Einstein) das Niveau der Relativitätstheorie, des Gipfels der Wissenschaftlichkeit, erreicht hat.

Die Theorie der Sprache als einer Zwischenwelt in der Beziehung "Realität — Denken" ist richtig, denn alles, was ein Individuum mit der Ge-

meinschaft (Wissen, Moral, Religion, Rechtsnormen usw.) verbindet, kommt in das Bewusstsein eines Individuums durch die Muttersprache hinein und wird im Gedächtnis in Form der Wortbegriffe gefestigt, dabei trägt diese Form einen idioethnischen Charakter, und dadurch wird zugleich die spezifische innere Form der Sprache geprägt.

Der Weg eines Wortes in der Sprache führt von der Aufnahme seiner phonetischen Form zum Begriff und weiterhin zur Nomination, dabei entwickeln sich die Begriffe um die und mit der Bezeichnung. Weisgerber nimmt Bezug auf folgende Meinung von Delbrück: "Begriffe werden nicht in der inneren Welt außerhalb der Sprache geformt, um später in die sprachliche Hülle zu "schlüpfen", sondern sie entwickeln sich gemeinsam mit der Wortlautung und um das Wort mühsam und langsam" [9].

Die Gliederung der realen Welt (des Universums) im Zusammenwirken des Menschen und der Realität in diskrete Einheiten, die der Mensch vornimmt, ist unmöglich ohne primäre Existenz im individuellen Bewusstsein der Begriffe, die im Ganzen ein System bilden, d.h. das Weltbild als eine Geistesbildung aller Mitglieder der Sprachgemeinschaft.

Im allgemeinen entwirft Weisgerber ein Paradigma der Spracherscheinungen: a) Sprechen; b) Wortgut eines Menschen; c) Sprache als Kulturgut; d) Sprache als allgemein menschliches Prinzip, d.h. eine für die ganze Menschheit gültige Sprachfähigkeit.

Nach dem Punkt a) schwindet dann die Realität und in den Vordergrund rückt das Prinzip der "Wirklichkeit" der Sprache (vom Wort wirken); dieses Prinzip wird anders auch als "funktionale Realität" bezeichnet. Weisgerber meint, das sei die dritte Daseinsform, die ihren Platz zwischen der Realität und der Abstraktion einnimmt. Diese dritte Daseinsform ist eben die Muttersprache, die auf die Menschen und ihr Verhalten stark einwirkt. Beispiele solcher Einwirkung sind in Studien von Weisgerber vorzufinden, z.B. in "Der Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur" [8] usw. Die Auffassung "Sprache als Dritter Bereich" fußt auf die Idee von Vierkanth über das soziale Objektgebilde, die er in seinem Buch "Gesellschaftslehre, Hauptprobleme der philosophischen Soziologie" [10] entwickelt. Die Sprache und deren Grammatik sind dabei nicht zu vermischen, betont weiter Weisgerber. Der dritte Bereich "die Sprache" ermöglicht deren Trägern das einheitliche Verfahren bei der Weltauffassung und stellt eine gesellschaftliche Erkenntnisform dar, wobei die Sprache ihre innere Form mit der idioethnischen Spezifik aufweist.

Im Zusammenhang damit formuliert Weisgerber einige kennzeichnende Charakteristiken der Sprache: 1) das Weltbild widerspiegelt sich in der

Sprache und wird in sie eingegliedert; 2) die Eigenheit des Volkes beinhaltet den Charakter der Sprache; 3) eine und dieselbe Sprache verleiht dem Volk nur eine einzige Weltanschauung, deswegen ist die Sprache auch das Gedächtnis des Volkes — sie denkt für uns; 4) in der Sprache kommt das auffallendste Kennzeichen des Volkes zum Vorschein; 5) die Sprachgemeinschaft hat das Recht auf ihre Geschlossenheit.

Die äußerst wichtige Eigenschaft der Sprache sei nach Weisgerber die Fähigkeit der Sprache das menschliche Denken und Verhalten in jeder Hinsicht zu beeinflussen, so dass der Mensch sich wie sprachgebildet in der Gemeinschaft verhält. Weisgerber hat tatsächlich die Relativitätstheorie der Sprache entwickelt, denn die Kommunikation in dieser Theorie gründet nicht nur auf Einheit der Tatsache, sondern auch auf Einheit deren Vision.

Das Relativitätsgerüst der Theorie entsteht aus der Einheit zweier Gegenpole: die Einheit der Vision der Tatsache von der menschlichen Gemeinschaft kann als Folge der Lehre betrachtet werden, wobei die Lehre unmöglich ohne einheitliche Begriffe ist, die ihrerseits ohne Muttersprache unmöglich sind und was die einheitliche Erfassung des Gegenstandes ermöglicht.

Als Quintessenz der Auffassungen von Weisgerber gilt also die Behauptung, unsere ganze Realitätsaufnahme sei auf unserem begrifflich-sprachlichen Wissen gegründet, und die Sprachvision erwerben wir uns beim Einstieg in die Muttersprache. Wichtig dabei ist die Vorstellung, dass den Begriffsumfang nicht die Realität, sondern die Sprache bestimmt, und das Abtrennen der Begriffe voneinander infolge der Strukturhaltung erfolgt.

In der Sprachsoziologie von Weisgerber wird nicht behauptet, dass nur die Sprache das Denken möglich macht oder dass die Gegenstände nur dank der Sprache leben. Weisgerber hat wesentlich die Sprachphilosophie von Humboldt geklärt und entwickelt, aber auch er selbst konnte einige Unklarheiten bei der Auslegung seiner Theorie nicht vermeiden. Deswegen ist die Re-Interpretation einiger Grundpositionen seiner Sprachtheorie notwendig.

Wenden wir uns seiner Idee "die Sprache sei das Kulturgut" zu und versuchen wir aber diese These neu zu argumentieren und etwas breiter anzusehen. Also, was ist das Kulturgut und wie kann dann die Sprache darin eingegliedert werden? Wollen wir dabei logisch schrittweise verfahren.

Die erste Überlegung.

Die Bedingungen sind:

– wenn wir die Wörteranzahl der Sprache kennen, die Begriffsträger sind:

– wenn wir die Regeln der grammatischen Valenz der Wörter (die morphologische Syntaktik der Sprache) kennen;
 – wenn wir Satzbaupläne (Satzmodelle) kennen;
 – wenn wir Frames (den Rahmen) der Situation kennen, die den Satzumfang begrenzen, so ist die Folge: wir sind imstande, endliche Menge aller potenziellen Sätze der Sprache im realen Modus und in realer Zeit zu bekommen. Eine besondere Gruppe in dieser Anzahl bilden Performative. Die erworbene Satzmenge muss dann mit einem begrenzten Koeffizient verdoppelt werden, um die Sätze in Zeitformen Vergangenheit und Zukunft zu bekommen. Die Performative sind dabei nicht im Spiel. In der deutschen Sprache ist die Vergangenheit noch einmal zu multiplizieren, um die Sätze im Perfekt, Imperfekt und Plusquamperfekt zu bekommen.

In der russischen Sprache muss man diese primäre Menge noch einmal verdoppeln, um perfektive und imperfektive Sätze zu bekommen. Das ist aber auch noch keine Grenze, denn wir bekommen die endliche Satzmenge, wenn wir die Ausgangsmenge wieder verdoppeln, um irrealer Sätze mit der relativen Modalität — Wunsch und Befehl — zu bekommen. Die endliche Menge aller potenziellen Sätze ist sehr groß, aber wir bleiben im Rahmen der Sprachphilosophie und nicht der Statistik der Sprache, deswegen greifen wir zum Terminus "Menge" und nicht die "Anzahl". Dabei kann die Menge beliebig groß sein und nicht unbedingt mit einer konkreten Zahl ausgedrückt werden.

Die endliche Menge aller potenziellen Sätze kann man als einen großen Kreis potenzieller Sätze oder den Kreis von Humboldt (oder der Muttersprache von Weisgerber) bezeichnen. Es ist unmöglich, die Grenzen dieses großen Kreises zu verletzen, ohne in einen anderen Kreis zu treten.

Die zweite Überlegung.

Wir nehmen den großen Satzekreis und erfüllen folgende Bedingungen:

– wenn wir alle Genres und Modelle der geschriebenen Sprache kennen;
 – wenn wir alle Genres und Verfahren der Volkskunst kennen;
 – wenn wir alle Genres und Verfahren der Bellitistik kennen;
 – wenn wir alle Genres und Verfahren der offiziellen Kanzleisprache kennen; so ist dann die Folge: wir bekommen endliche Menge potenzieller Texte der Sprache, die sehr groß ist. Diese Menge aller potenziellen Texte bezeichnet man als Kultur oder als Kultur der Gemeinschaft in der Sprache. Diese Kultur schließt in sich die allgemeine Kultur mit Musik, Tanz, Verhaltensnormen usw. ein und trägt einen idioethnischen Charakter.

Die Kultur der Gemeinschaft prägt die Sprache, infolgedessen nimmt auch die Sprache diesen idioethnischen Charakter an.

Und im ganzen sind die Kultur und die Sprache harmonisiert, was wir beim Vergleich der Sprachen und Kulturen feststellen können. Die deutsche Sprache und die Musik von Beethoven sind in dieser Hinsicht harmonisch, wie auch die russische Sprache und die Musik von Tschaikowski.

Also, der große Kreis der Sätze in der Sprache ist die Grundlage für den großen Kreis der Texte in der Sprachkultur der Gemeinschaft. Die Vergrößerung des Wortgutes der Sprache sogar um ein Lexem führt offenbar zur Vergrößerung des großen Kreises der Sätze und als Folge dessen auch zur Vergrößerung des großen Kreises der Texte in der Sprachkultur. Bei weitem nicht alle potenziellen Sätze des großen Kreises aktualisieren sich in der Rede sowie auch nicht alle potenziellen Texte der Sprachkultur, aber sie existieren da und sind jederzeit zu realisieren. Das bedeutet, dass alle Romane und Novellen bereits potentiell geschrieben sind, man braucht nur einen Grund, der den Menschen zur Realisierung deren in der gesprochenen oder geschriebenen Sprache zwingt. Zweifellos bleiben außerhalb des Weltbildes des Menschen und der Gemeinschaft vorläufig viele Informationen übrig, die die Menschheit noch nicht verwertet, zu den Begriffen nicht verarbeitet und diesen Begriffen noch keine sprachlichen Namen zugewiesen hat. Diese noch nicht verwertete (oder um mit Weisgerber zu sprechen, nicht verwortete) Welt bezeichnet man als Entropie.

Die dritte Überlegung.

Eines der wichtigen Grundpositionen der Sprachtheorie von Weisgerber ist die Begrenzung des begrifflich-lexischen Umfangs des sprachlichen Organismus eines Individuums im Vergleich mit Tesaurus der Muttersprache, aber das Schema des sprachlichen Funktionierens eines Individuums bleibt gleich dem oben angegebenen Schema. In diesem Zusammenhang müssen wir das Paradigma der in Wechselbeziehung stehenden Objekte ergänzen. Wenn die Sprache der Gemeinschaft als Kulturgut der Gemeinschaft erscheint, dann ist der sprachliche Organismus des Individuums eine Erscheinungsform des Kulturguts des Individuums, dabei enthält das Kulturgut des Individuums potentiell den ganzen kleinen Kreis der Texte seiner Sprachkultur mit vielen Romanen, Novellen und Poemen, die im Prinzip realisierbar sind. Wenn das geschieht, wird dieser Mensch zum Schriftsteller. Journalist, Redner usw.

Die vierte Überlegung bezieht sich auf die Metasprache der Wissenschaft.

In seiner Sprachphilosophie teilt Weisgerber die Meinung von Cassirer nicht, der in seiner "Philosophie der symbolischen Formen" [11] die sprachliche, mythologisch-religiöse, schöngeistige und wissenschaftliche Erkenntnisform ausgliederte. Bei Weisgerber fehlen Überlegungen über die Metasprache

der Wissenschaft, weil die Sprache diese Funktion ausübt. Es ist wirklich so, aber nach unserem Erachten gibt es doch Gründe für die Aussonderung der Metasprache als einer besonderen Form der Sprache, die das wissenschaftliche Weltbild formt und bedient. Man muss differenziert an den Begriff von der Seite des Wortes herangehen. In der Sprachtheorie von Weisgerber wird die Formel "Wort = Name x Begriff" angeboten. Diese Formel ist richtig, aber sie bedarf einer Präzisierung. Der russische Linguist Juri Apressjan spricht in seinem Buch "Lexikalische Semantik" bezüglich der Alltagsrede nicht vom Begriff, sondern vom naiven Begriff, er hält somit die Welt des Alltäglichen der Sprache und die Welt wissenschaftlicher Begriffe auseinander. Dieses Verfahren halten wir für rationell, dann entsteht ein einander ergänzendes System der Wörter der Sprache und Termini der Metasprache. Dem Wort der Sprache liegt der naive Begriff zugrunde, dem Terminus liegt der wissenschaftliche Begriff zugrunde, der tiefer und breiter als der naive Begriff ist. Zwischen dem Wort und dem Terminus liegt keine Kluft; Termini gelangen oft in die Alltagsrede, womit sie den Status des naiven Begriffs zum Status eines quasi wissenschaftlichen Begriffs erhöhen. Als Beispiel solcher Expansion des Terminus in die Alltagsrede gelten viele Wörter aus dem medizinischen Bereich, weil es selten einen Menschen gibt, der sich nicht wenigstens bei einer Krankheit für kundig hält. Eben deswegen kommen in die Alltagsrede der Gemeinschaft viele medizinische Termini, in die Rede der Männer — Termini aus dem Automobilbau, in die Rede der Frauen — aus dem wirtschaftlichen Bereich, in die Rede der Jugendlichen — aus dem Bereich des Sports und der Musik.

Die fünfte Überlegung bezieht sich auf die Valenz.

Auf die Sprachtheorie von Weisgerber muss man unbedingt das Prinzip der Valenz beziehen im Zusammenhang mit dem Charakter des Weltbildes. Einen Hinweis darauf im Zusammenhang mit den Begriffen Wertigkeit, Wertigkeitsbereich und semantische Wertigkeitslehre können wir bei Hans Schwarz in seinem Aufsatz "Von der Wertigkeit der Sprachmittel" vorfinden [12]. Also, wenn wir vor uns das Bild einer realen Welt haben, wird das Aufeinanderbeziehen der Wörter und Begriffe der Sprache von der Realität in der Philogenese abhängen, somit im Prozess der praktischen Welterfassung und Abspiegelung deren Ergebnisse in der Sprache.

Es ist klar, dass in der Sprache nicht alle Wörter mit allen Wörtern semantisch frei kombinierbar sind, denn es gibt Valenz- und Ambivalenzgesetze, die aus dem potentiellen Bereich Sätze wie "Das Kind schläft" realisierbar machen, aber solche Sätze wie "Farblose grüne Ideen schlafen grimmig" (Chomsky) bereits im potentiellen Bereich verbieten. Es ist das grundlegende Prinzip der Sprache. Dabei kommt die Frage auf, entsteht

die Valenz innerhalb der Sprache selbst oder sie ergibt sich aus dem Leben? Offensichtlich gibt es in der Sprache selbst keine Mechanismen für die Regeln der semantischen Valenz der Wörter; sie werden von der Gemeinschaft in der Philogenese aufgrund der Erfahrung im Leben geformt und in der Muttersprache verkörpert. Aber nachdem sie in der Sprache verkörpert sind, bekommen die Regeln der semantischen Valenz den Charakter des Wirklichseins, d.h. sie funktionieren dann in der Ontogenese als objektiv für alle Mitglieder der Sprachgemeinschaft. Die philogenetische Herkunft dieser Regeln spielt danach gar keine Rolle mehr, denn die Valenzregeln werden zum festen und wirklichen System und regeln die semantische Valenz der Wörter bei der Umwandlung der potentiellen Sätze in die realen Sätze, d.h. sie regeln Begriffsvalenz und dadurch auch Tätigkeit und Praxis aller Mitglieder der Sprachgemeinschaft. Semantische Valenz des Wortes begrenzt letzten Endes den großen Kreis der Sätze und macht ihn vorstellbar, nicht in die Endlosigkeit übergehend. Weisgerber sprach über die thematische Organisation des Wortguts der Muttersprache und des Ideolekts des Menschen, was wir nach Trier als Feldstrukturierung des Lexikons bezeichnen.

Um über die Wortervalenz des realen Weltbildes zu sprechen, müssen wir mit lexikalisch-semantischem Feld oder Mikrofeld beginnen, denn die Wörter, die in ein und dasselbe Feld integriert sind, haben oft die gleiche semantische Valenz; z.B. alle Glieder des Mikrofeldes "Flora" lassen sich mit Prädikaten wie rauschen, wachsen, blühen usw., mit Farbbezeichnungen wie grün, rot, gelb usw. verbinden. Also wird die Valenz der Wörter, die das reale Weltbild wiedergeben, durch die Erfahrung der Gemeinschaft in der Philogenese bestimmt, sie beinhaltet die Erfahrungen der Menschen in der Ontogenese. Grundlegend sind dann Leistung und Tradition der Gemeinschaft, verbunden mit der Valenz des Wortes, was dann die Frage nach der Wahrheit behebt.

Wichtig ist die Verwertung der Tesai-Physai-Theorie bezogen auf die Entstehung und Ausbreitung der semantischen Valenz der Wörter. Wenn die Onomathopie das Wesen des Gegenstandes unmittelbar wiedergibt, indem sie diesen oder jenen Zug des Gegenstandes in Lautung darstellt, wird die Valenz des Wortes – Onomathopie völlig durch die Wechselbeziehung der Gegenstände selbst in der realen Welt bedingt. Als selbständiges Zeichen könnte das Wort seine eingene Valenzpolitik betreiben und die potentielle Valenz formen. In der neuen Situation der Unabhängigkeit des Wortes von der Realität können sich unkombinierbare Wörter verbinden lassen, während die Gegenstände, die durch diese Wörter in der realen Welt bezeichnet werden, sich nicht vereinigen lassen können, z.B. werden in der realen Welt doch keine Zentaur geboren, aber in der Sprache der alten Griechen und Römern konnte der Begriff "Zentaur"

entstehen, obwohl keine Reflexion über die Realität diesen Begriff bestätigen vermochte. Einige Begrenzungen der primären semantischen Valenz, mit der realen Welt verbunden, werden behoben, wenn die Rede über das mythologische oder religiöse Weltbild ist. Dabei kommt folgende Überlegung in Betracht. Die Wirklichkeit der Sprache wird voll und ganz im Gebrauch der Gegenwartsvariante der Sprache realisiert. In einzelnen Bereichen dagegen (die Kirche z.B.) verwendet die Sprachgemeinschaft nicht selten entlehnte oder tote Sprache, wie z.B. Latein oder Kirchenslawisch. Es folgt daraus, dass die Sprachgemeinschaft nicht nur ein einziges Weltbild hat: neben das pragmatische Weltbild kann sie auch ein mythologisch religiöses Weltbild setzen, wobei beide Weltbilder zwar nicht zusammenfallen, aber sich berühren können.

Ein wichtiges Abgrenzungsfaktor dieser zwei Weltbilder ist der Gebrauch von zwei verschiedenen Sprachen, die in Worten (Namen) Begriffe der Weltauffassung festhalten; außerdem haben diese verschiedenen Sprachen auch eine unterschiedliche innere Form, die in der Begriffsstruktur des Wortbestandes wie auch in unterschiedlichen syntaktischen Formen transparent wird. Der Übergang vom Latein oder Kirchenslawischen zur modernen Hochsprache zum Zweck der Messe / des Gottesdienstes ist ein schwieriger Kompromiss der Kirche, der den Weg zur Vermischung beider Welten (der mythologischen Welt und der pragmatischen Welt) eröffnet. Das einzige Hindernis dabei bleiben die Situation selbst und die Begleitungsattribute der Messe/ des Gottesdienstes.

Die sechste Überlegung bezieht sich auf tote Sprachen und tote Kulturen.

Die tote Sprache ist in Verbindung mit Kultur, die auch tot bezeichnet wird, vom großen Interesse. Betrachten wir das Altgriechische. Wenn wir es uns als eine Liste der Wörter-Begriffe vorstellen, multipliziert mit der Liste syntaktischer Modelle, bekommen wir die endliche Menge aller potentiellen Sätze dieser Sprache. Weiter wenn wir diese Menge mit bestimmter endlicher Zahl von Genres der geschriebenen und gesprochenen Formen multiplizieren (diese Liste ist geschlossen und die Genres werden nicht mehr ergänzt), bekommen wir die endliche Menge aller potentiellen Texte der altgriechischen Sprachkultur.

Ein Teil dieser Texte wurde in der gesprochenen Sprache der Altgriechen sowie in Schriften von Homer, Euripides, Aristoteles, Plato u.a. realisiert. Der andere Teil blieb aber potentiell. Da entsteht die Frage, ob wir Nachfolger imstande sind, den potentiellen Teil der altgriechischen Sprachkultur in den realen Bereich zu überführen und statt Aristoteles das zu schreiben, was er vorgenommen hatte, oder die Dialoge von Plato weiterzuführen? Wir antworten verneinend darauf, denn es ist unmöglich, in die tote Kultur einzudringen, ohne seine eigene Kultur. Wir können zwar altgriechisch spre-

chen, aber werden nie wie Altgriechen selbst Mitglieder dieser Kultur- und Sprachgemeinschaft, wir müssen darin geboren worden sein.

Die Überlegung über die Literatur.

Es gibt einen Bereich, wo sich das Weltbild der Realität und das Weltbild der weltlichen und religiösen Mythologie aufeinander treffen — die Bellitistik, die ihre eigene potentielle Welt und ihr eigenes Weltbild entwirft. Ein besonderes Privileg auf die sonst verbotene semantische Valenz erhalten Wörter im Genre der Science-Fiction, sowie in einigen Genres des Surrealismus (Kafka, Joyce u.a.), in der letzten Zeit auch des Postmodernismus. Gerade da gibt es Sujets, wo die Wahrheit und Erfindung verschmelzen und im Spiegelland wie Alice von Carroll verschwinden und die Wörter die für das reale Weltbild verbotene Valenz bekommen. Das gleiche Bild bieten uns sakrale und religiöse Texte, wo sich die religiöse Mythologie und reale Situation verbinden, und die Wörter auch die Ambivalenz überwinden und so kombiniert werden, wie bei der Schilderung des realen Weltbildes nie möglich wäre. Als Beispiel dafür dient das Neue Testament.

In der mythologischen Literatur und Volksdichtung gibt es ewige Inhalte, die aus einer Literatur in die andere übernommen werden und dabei unbedingt die idioethnische Spezifik erhalten. Zu solchen Fabeln gehört allerdings die Sage über Mefisto, in der deutschen Literatur mehrmals vorkommend z.B. bei Goethe, T. Mann) und idioethnisch in der russischen Literatur verkörpert von Bulgakow in seinem Buch "Der Meister und Margarete". Besonders idioethnisch sind Inhalte und Gestalten in der Volksdichtung, wobei in einigen Gestalten die Relativitätstheorie sichtbar wird, z.B. in russischen Märchen gibt es einen Iwan-Dummkopf, eine tief relativistische Gestalt; zugleich dumm und sehr klug. Solche Relativität ist auch in der russischen Literatur vertreten, in der es viele Gestalten relativ komisch und seriös, böse und gutmütig zugleich gibt.

Die Überlegungen über die sprachliche Relativität.

In der Sprachtheorie von Weisgerber gibt es eine globale Idee der Relativität, die die Muttersprache als Regulator des persönlichen Verhaltens und zugleich als Erscheinungsform des Kulturguts verstehen lässt. In der Sprache können wir auch spezielle Erscheinungsformen der Relativität in konkreten Wörtern und syntaktischen Einheiten finden. Zu den Elementen mit Relativitätscharakter zählen wir Wörter, die in sich gegensätzliche Begriffe und Begriffsaspekte enthalten können. Diese Erscheinung in Lexik bezeichnet man als Enantiosemie.

Im Russischen sind Verben: *telegrafiroval* – *telegrafiroval*, *telefoniroval* – *telefoniroval* (ein Verb mit der perfektiven Bedeutung und das zweite Verb

mit der imperfektiven Bedeutung in jedem Paar) als Beispiel zu nennen. Zu den syntaktischen Relativitätsüberführungen können wir in der deutschen gesprochenen Sprache folgende Konstruktionen zählen, die nur im spontanen Redeprozess entstehen und als Kontamination bezeichnet werden: *Ich hatte wirklich nicht viel Zeit und war auch n bißchen wütend auf diese alte Tante hat so verglaste blaue Augen gehabt, so n bißchen im Jenseits schon* ([13]; 80). *Die haben ja also jedenfalls die griechischen Scheine waren sagenhaft groß* ([14]; 56). Bereits aus diesen zwei Beispielen wird ersichtlich, dass im spontanen Redeprozess (in der gesprochenen Sprache) eigenartige syntaktische Gebilde möglich sind, die nach den Gesetzen der gesprochenen Sprache entstehen. Diese syntaktischen Gesetze sind von extralinguistischen Kriterien der Redegestaltung bedingt wie Spontanität, situative Gebundenheit, Zeitmangel für durchdachte Formulierung des Gedankens. Das führt zur sprachlichen Ökonomie und Sinkretismus. Unter dem Sinkretismus in der Syntax wird Verschmelzen unterschiedlicher Aspekte der Information verstanden, wie auch das Fehlen der eindeutigen Bezogenheit der Sprachmittel auf den Inhalt.

In Bezug auf die angebotenen Kontaminationskonstruktionen heißt es, dass sich in einer syntaktischen Form einige Inhalte verbergen und je nach dem zur Aktualisierung kommen können. Wenn wir nun diese Erscheinung im Rahmen der Relativitätstheorie zu erfassen versuchen, ist es möglich zu vermuten, dass vieles in der Sprache nicht absolut, sondern relativ gesehen werden kann, wenigstens bei der Aktualisierung in der gesprochenen Sprache. An der Grenze zweier prädikativer Einheiten steht als Bindeelement ein Satzglied, das im vorangehenden Teil eine syntaktische Funktion (Objekt) und im darauf folgenden Teil eine andere syntaktische Funktion (Subjekt) hat. Weil die zwei Sätze auf solche Weise aufeinandergelegt werden, entsteht dieses spezifische syntaktische Gebilde, das noch eine intonatorische Einheit ist. Üblich wird es ohne merkliche Pausen auf einmal ausgesprochen, was in Transkriptionen auch klar gezeigt wird.

Das Auffassen des Satzgliedes an der Grenze zweier prädikativen Einheiten als eines relativen Elementes ist möglich auch dank dem Thema-Rhema-Verhältnis in diesen Konstruktionen. Wenden wir uns noch einmal dem Beispiel zu: *...Die haben ja also jedenfalls die griechischen Scheine waren sagenhaft groß...* Im ersten Teil der Aussage ist das Bindeelement die griechischen Scheine das Rhema, weil es eben das Informationszentrum ist, das etwas Neues, inhaltlich Wichtiges berichtet. Dasselbe Element im zweiten Teil wird schon zum Thema und aus den Gründen der sprachlichen Ökonomie wird seine Wiederholung oder seine sekundäre Nominierung erspart. Also, wir beobachten die Relativität

sowohl in der Sprache im allgemeinen, als auch in einzelnen Bereichen, zwar in ihren lexischen und syntaktischen Einheiten.

Wir erlauben uns abschließend unsere Hoffnung darauf auszusprechen, dass die Relativitätstheorie als ein selbständiger Bereich der Sprachwissenschaft das Recht auf seine Existenz bekommt.

Литература

1. Вайсгербер И. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем. и комментарий О.А. Радченко. – Ульяновск, 1993.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М., 1958.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985.
4. Гумбольдт В. фон. О языке кави на острове Ява // Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. – М., 1984.
5. Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М., 2005.
6. Carnap R. Die logische Syntax der Sprache. – Wien, 1934.
7. Russel B., Whitehead A. Principia Mathematica. V 1–3. – L., 1913.
8. Weisgerber J. L. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur. – Heidelberg, 1934.
9. Delbrück В. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. – Leipzig, 1920.
10. Vierkandt A. Gesellschaftslehre. Hauptprobleme der philosophischen Soziologie. – Stuttgart, 1928.
11. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. 1. Die Sprache. – Berlin, 1923.
12. Schwarz H. "Von der Wertigkeit der Sprachmittel", Gedenkschrift für Jost Trier. Hrsg. V.H. Beckers und H. Schwarz. – Köln / Wien, 1975. – S. 355–368.
13. Heutiges Deutsch. Reihe 2. Texte der gesprochenen deutschen Standardsprache. Bd. 1. – München, 1971.
14. Wackernagel-Jollis B. Untersuchungen zur gesprochenen deutschen Standardsprache: Beobachtungen zur Verknüpfung spontanen Sprechens. – Göttingen, 1971.

Language philosophy of I.L. Waisgerber and relative linguistics grounds

The occurrence of Humboldt's the relative theory of language and its development by I.L. Waisgerber, E. Sepir and B.Li. Uorf meant that linguistics has reached a level of the theory of relativity after geometry (N. Lobachevsky), logic (N. Vasilev), chemistry (N. Butlerov and D. Mendeleev) and physics (A. Einstein) — the top of scientific character.

Key-words: philosophy of language, the theory of a relativity, the statement, true, language, speech, the text.